

Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, иных противоправных или антиобщественных действий как конститутивная уголовно-правовая категория

Involvement of minors in the commission of crimes, other illegal or antisocial acts as a constitutive criminal law category

Рушанян Д.А.

Соискатель кафедры уголовного права и криминологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар
e-mail: pochta_193@list.ru

Rushanyan D.A.

Applicant of the Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Krasnodar
e-mail: pochta_193@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается вовлечение как конститутивная уголовно-правовая категория, играющая ключевую роль в системе охраны прав и законных интересов несовершеннолетних. Ее целью является разработка теоретически обоснованного и юридически точного понимания категории «вовлечение» применительно к несовершеннолетним, а также уточнение ее уголовно-правовой природы, признаков, объема и отличий от смежных понятий (склонения, подстрекательства, вербовки) с учетом законодательной конструкции, научной доктрины и судебной практики. Автором выявлены три подхода к регламентации в тексте УК РФ термина «вовлечение», проведен семантический, доктринальный и практико-ориентированный анализ его сущности. Особое внимание уделено вопросу соотношения «вовлечения» и «склонения», моменту их окончания. В заключении определяются основные признаки вовлечения и формулируется авторское понятие вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, иных противоправных или антиобщественных действий.

Ключевые слова: вовлечение, вовлечение несовершеннолетнего, склонение, подстрекательство, преступление, противоправные действия, антиобщественные действия.

Abstract

The article considers involvement as a constitutive criminal law category that plays a key role in the system of protection of the rights and legitimate interests of minors. Its purpose is to develop a theoretically sound and legally accurate understanding of the category of "involvement" in relation to minors, as well as to clarify its criminal-legal nature, features, scope and differences from related concepts (declension, incitement, recruitment), taking into account legislative structure, scientific doctrine and judicial practice. The author identifies three approaches to the regulation of the term "engagement" in the text of the Criminal Code of the Russian Federation, and conducts a semantic, doctrinal, and practice-oriented analysis of its essence. Special attention is paid to the issue of the ratio of "engagement" and "declension", the moment of their termination. The conclusion identifies the main signs of involvement and formulates the author's concept of involving minors in the commission of a crime, other illegal or antisocial actions.

Keywords: involvement, involvement of a minor, persuasion, incitement, crime, illegal actions, antisocial actions.

Введение

Понятийно-категориальный аппарат уголовного права представляет собой основу его методологического инструментария, обеспечивая научное осмысление и нормативное структурирование уголовно-правовой действительности. Он не только отражает ключевые элементы предмета и метода данной отрасли, но и позволяют выделить ее как самостоятельную область правового знания [12, с. 525]. В этом контексте особенно важным представляется выявление сущности и правовой природы тех понятий, которые активно используются в уголовно-правовом пространстве, но при этом остаются неопределенными либо теоретически необоснованными. Одной из таких категорий является «вовлечение», которая на практике нередко выступает в качестве ключевого звена в механизме формирования деструктивного поведения несовершеннолетних.

Если обратить внимание на положения действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), то можно увидеть, что термин «вовлечение» в нем упоминается 19 раз и главным образом в Особенной части – 4 раза в названии (ст. 150, 151, 151², 240 УК РФ), 14 раз в диспозициях (ст. 150, 151, 151², ч. 1, 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 240, ч. 2 ст. 242, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1, 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ) и 1 раз в примечании статьи (ст. 151 УК РФ). Однако ни в одной из норм уголовного закона данное понятие не раскрывается, что приводит к неоднозначности его понимания. Это обстоятельство усиливает и отсутствие единства юридико-технического оформления регламентации вовлечения в диспозициях ряда статей УК РФ, что проявляется в формировании трех законодательных подходов:

- 1) упоминание «вовлечения» как самостоятельного понятия без входящих в его структуру категорий (например, соответствующее вовлечение в рамках ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 151, ч. 1 ст. 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ);
- 2) использование категории «иное вовлечение» как составной конструкции наряду с термином «склонение» (например, «склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего» по ч. 1 ст. 151² УК РФ);
- 3) использование категории «иное вовлечение» как составной конструкции наряду с терминами «склонение» и «вербовка» (например, «склонение, вербовка или иное вовлечение лица» в рамках ч. 1, 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ч. 1 ст. 281¹, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ).

При анализе данных подходов закономерно возникает ряд вопросов: какова уголовно-правовая сущность вовлечения, в чем ее отличие от склонения и вербовки, а также что следует понимать под «иным вовлечением»?

Обращение к правилам русского языка позволяет понять, что вовлечение, как отмечает Д.Н. Ушаков, образовано от слова «вовлекать», которое в свою очередь имеет два значения:

- 1) Соблазнять, склонять к чему-нибудь.
- 2) Привлекать к участию в работе, деятельности [20].

В первом случае известный ученый-лингвист термин «вовлекать» ставит в один ряд с понятием «склонять» и не предусматривает иных форм первого, что входит в противоречие со вторым и третьим подходами их регламентации. И действительно, законодательные конструкции «склонение или иное вовлечение», а также «склонение, вербовка или иное вовлечение» предполагают, что вовлечение является более широким понятием, включающим в себя и склонение, и вербовку, и иные равные им формы воздействия, что исключает их категориальную однопорядковость.

Второе семантическое значение слова «вовлекать», с точки зрения уголовного права, выглядит более приемлемым, ведь в нем не называются формы вовлечения, а потому они могут быть любыми.

Схожее понимание содержится в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в котором существительное «вовлечение» определяется через глагол «вовлечь», означающий побудить, привлечь к участию в чем-нибудь [19].

И если на уровне этимологической характеристики искомого термина наблюдается «единодушие», то в уголовно-правовой литературе не все так однозначно. В первую очередь, стоит отметить, что вовлечение в ней чаще всего рассматривается через институт соучастия (подстрекательство) [10, с. 49].

Так, с позиции К.К. Сперанского, вовлечение следует рассматривать как форму умышленных действий, направленных на несовершеннолетнего и включающих в себя его:

- подготовку к совершению преступного деяния;
- подстрекательство к совершению одного либо нескольких преступных деяний либо;
- привлечение к совершению преступных деяний в качестве соисполнителя либо лица, выполняющего функции пособника [18, с. 16].

Таким образом, автор акцентирует внимание на структурной сложности вовлечения как уголовно-правовой категории.

В свою очередь, В.В. Палий, разделяя позицию о том, что вовлечение представляет собой особый, специализированный вид подстрекательства, подчеркивает, что оно осуществляется посредством информационного или физического воздействия на другое лицо. Итогом такого воздействия становится формирование у последнего умысла на совершение преступления, который реализуется, как минимум, на стадии подготовительных действий, предшествующих преступлению [17, с. 9].

Следует отметить, что акцент на формах воздействия (информационной и физической) позволяет с альтернативной позиции взглянуть на механизмы формирования преступного умысла у несовершеннолетнего. Вовлечение при этом выступает не просто правовой категорией, но и психолого-социальным феноменом, в котором важнейшую роль играет способность взрослого лица управлять восприятием подростка, трансформируя сферу его мотивации.

Н.П. Шевченко, анализируя содержание ст. 150 УК РФ, предлагает рассматривать вовлечение (подстрекательство) несовершеннолетнего как активное поведение совершеннолетнего лица, направленное на адресата, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, и выражающееся в его приобщении, втягивании и укреплении решимости (готовности) к участию в общественно опасном деянии или деятельности, а также в подготовке и приобщении к преступному образу жизни [22, с. 7, 15]. Позиция ученого в таком случае предполагает рассмотрение вовлечения как акта подстрекательства, реализующегося в виде системной деятельности, направленной на устойчивое закрепление преступных моделей поведения у несовершеннолетнего.

Представляется, что с мнением о том, что вовлечение – это специальный вид подстрекательства, согласиться можно. Однако отчасти. Так, ч. 4 ст. 33 УК РФ определяет подстрекателем лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления. Следовательно, умысел подстрекателя охватывает побуждение к совершению конкретного преступления. В то же время вовлечение не всегда направлено на преступное поведение.

Например, ч. 3 ст. 240 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией при том, что само занятие проституцией уголовно наказуемым деянием не является. В соответствии с положениями ст. 6.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4] (далее – КоАП РФ) данное деяние выступает административным правонарушением, в которое взрослое лицо вовлекает несовершеннолетнего.

Аналогичная ситуация может возникнуть и в отношении признака склонения, регламентированного в Особенной части УК РФ. К примеру, п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ предусматривает ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (далее – наркотиков) в отношении несовершеннолетнего. Само по себе потребление наркотиков не является преступлением, за это предусмотрена административная ответственность в ст. 6.9 КоАП РФ. Соответственно, и данный случай нельзя считать специальным видом подстрекательства. Хотя, казалось бы, склонение – это конститутивная функция действий подстрекателя, исходя из положений

ч. 4 ст. 33 УК РФ, однако в Особенной его части она, как было продемонстрировано, может быть, с ними и не связана.

В этом смысле указанные уголовно-правовые категории не различаются между собой. Об их сходстве рассуждают и в науке уголовного права. Так, Г.А. Есаков, А.И. Рарог и А.И. Чучаев пишут, что действия в виде склонения и вовлечения по своему содержательному наполнению совпадают. Они заключаются в убеждении кого-либо в необходимости совершения какого-либо проступка. Различие между ними сводится лишь к лингвистическому аспекту, проявляющемуся в том, что склонить лицо можно к чему-либо, а вовлечь – во что-либо [3, с. 351]. Соглашаясь с лингвистической разнородностью, заметим, что склонение и вовлечение не всегда осуществляются посредством метода убеждения.

По справедливому замечанию Е.П. Коровина, вовлечение в совершение преступления, будучи умышленным действием, направленным на формирование у другого лица желания совершить определенное преступление, может быть достигнуто как путем убеждения, так и посредством принуждения [10, с. 61]. В отношении склонения следует отметить п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ППВС РФ) от 15 июня 2006 г. № 14, в котором разъясняется, что склонение к потреблению наркотиков в рамках ст. 230 УК РФ может выражаться в:

- любых действиях умышленного характера (в том числе однократно-совершенных), имеющих своей направленностью возбудить желание у другого лица потребления наркотиков (уговорами, предложениями, дачей советов и т.п.);
- а также обмане, насилии (психическом или физическом), ограничении свободы и иных действиях, совершенных с целью принудить к потреблению наркотиков лицом, в отношении которого осуществляется воздействие [14].

Схожесть правовой природы понятий «склонение» и «вовлечение» отмечается и А.В. Травниковым, который указывает, что разграничение между ними носит преимущественно формально-динамический характер: склонение – это процесс, а вовлечение – результат, выражающийся в подтвержденной решимости лица совершить действия, ожидаемое от него виновным [21, с. 28]. Не соглашаясь с данной точкой зрения, отметим, во-первых, что если бы вовлечение было просто результатом склонения, то в таком случае второе поглощало бы первое, но законодатель в ряде статей уголовного закона их разграничивает (ч. 1 ст. 151², ч. 1, 1¹ ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212 УК РФ и др.).

Во-вторых, подобный подход вступает в противоречие с основами учения о соучастии, центральным элементом которого является склонение, заключающееся, как справедливо отмечает М.Г. Горенко, в формировании у другого лица решимости к совершению преступления. Под «решимостью» в данном контексте, по мнению автора, следует понимать наличие у субъекта достаточной степени уверенности, готовности принять и реализовать свое решение. Указанная точка зрения находит подтверждение и в эмпирических данных: согласно результатам анкетного опроса, проведенного среди практиков – сотрудников правоохранительных органов (следователей МВД России, СК РФ) и судей судов общей юрисдикции, 84% респондентов из 100% высказались в поддержку данной позиции [2, с. 89].

Как считает А.И. Кокунов, попытки провести разграничение между понятиями «склонение» и «вовлечение» представляются искусственными, что лишь затрудняет толкование соответствующих норм закона без какой-либо пользы для решения задач уголовно-правового регулирования. Автор утверждает, что одновременное использование в уголовном законе терминов, имеющих по существу идентичное содержание, следует расценивать как юридико-техническую ошибку, выражающуюся в наличии синонимии [6, с. 37] – одного из видов терминологической неопределенности, способной повлечь затруднения в правоприменительной практике.

Однако, думается, что системное и последовательное использование законодателем таких конструкций, как «склонение или иное вовлечение», «склонение, вербовка или иное вовлечение», не может быть квалифицировано как ошибка – напротив, это указывает на функциональное различие терминов.

О таком различии говорят и в научной среде. Например, ряд ученых полагает, что вовлечение шире склонения в части способов, так как может совершаться как насильственным, так и ненасильственным путем, склонение же предполагает применение только ненасильственных методов воздействия [21, с. 28]. Вместе с тем, по верному замечанию А.П. Козлова, подстрекательское воздействие, осуществляемое в виде склонения, может выражаться такими принуждающими способами, как физическое или психическое насилие [5, с. 132–138]. Такой вывод действительно можно сделать на том основании, что перечень перечисленных в ч. 4 ст. 33 УК РФ способов подстрекательского воздействия имеет открытый характер за счет использования формулировки «или другим способом».

О разграничении понятий «вовлечение» и «склонение» свидетельствует и позиция Н.Н. Бугеры, который не рассматривает их как тождественные. Ученый обращает внимание на существенное различие в моменте их окончания: при вовлечении предполагается, что виновное лицо фактически осуществляет преступное деяние, в то время как в случае склонения достаточно лишь возбудить у другого лица желание сделать то, к чему склоняет виновный без совершения преступления [1, с. 39].

Однако надо отметить, что по данному вопросу у ученых нет консенсуса. Так, например, А.И. Кокунов в аспекте проведения параллели со стадиями совершения преступления полагает, что моментом юридического окончания склонения может выступать уже начало исполнения (покушения) преступления. В таком случае, по его мнению, склонение оптимально доказуемо [7, с. 37]. По убеждению Е.П. Коровина, все составы преступлений, в конструкцию которых входит вовлечение, выступают формальными. Они считаются оконченными с момента возникновения у вовлекаемого лица желания совершить преступление вне зависимости от реального совершения какого-либо деяния [9, с. 9].

Несколько противоречивый подход наблюдается и в судебной практике. Так, в п. 42 ППВС РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 сказано, что преступления, ответственность за совершение которых установлена в ст. 150 и 151 УК РФ, являются оконченным с момента совершения несовершеннолетним:

- преступления;
- приготовления к преступлению;
- покушения на преступление; или после совершения хотя бы одного из действий антиобщественного характера, названных в диспозиции ч. 1 ст. 151 УК РФ [16].

Иной же ракурс представлен в п. 14 ППВС РФ от 09 февраля 2012 г. № 1 [13]. В нем разъясняется, что склонение, вербовка или иное вовлечение лица (в рамках ч. 1 ст. 205¹ УК РФ) являются оконченным преступлением с момента совершения данных действий в независимости от факта совершения вовлекаемым лицом соответствующего преступного деяния террористического характера. Аналогичное правило при рассмотрении судами уголовных дел по ч. 1¹ ст. 282¹ либо ч. 1¹ ст. 282² УК РФ содержится и в п. 15.1 ППВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 [15].

В контексте вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, иных противоправных либо антиобщественных действий вовлечение (склонение) целесообразно признавать оконченным деянием с момента формирования у вовлекаемого устойчивой внутренней решимости к совершению противоправного или антиобщественного деяния. При этом реализация данного намерения в виде конкретного действия либо переход к стадии покушения для признания состава преступления оконченным не является обязательным.

Это связано с тем, что, во-первых, соответствующие деяния охраняют особый объект – психику, физическое и нравственное развитие несовершеннолетнего, а не только блага от основного преступления. Когда у вовлекаемого появилась устойчивая решимость совершить преступление (даже без немедленных действий), это означает, что деструктивное психическое влияние в отношении него уже оказано, нарушена правовая охрана нормального развития личности, создана угроза совершения противоправных деяний в будущем, то есть возник реальный вред правопорядку.

Во-вторых, противоположная позиция делает момент окончания вовлечения зависимым от поведения несовершеннолетнего. Вина вовлечателя первично должна оцениваться по его действиям, а уже вторично – по дальнейшему выбору несовершеннолетнего, в отношении которого он, однако, не обладает полным контролем.

Относительно сопоставления безусловно близких между собой понятий вовлечения и склонения считаем, что соотносятся они как целое и часть. Вовлечение является более широким понятием по объему, чем склонение. Последнее выступает его своеобразной формой. Такое же мнение складывается и у представителей научной общественности. Так, нередко в доктрине отмечается, что термин «вовлечение» по своему содержанию носит обобщающий, родовый характер по отношению к понятию «склонение» [9, с. 9; 17, с. 9].

Данный подход находит нормативное подтверждение в таких конструкциях, используемых в УК РФ, как «склонение или иное вовлечение», «склонение, вербовка или иное вовлечение». Использование формулировки «или иное вовлечение» свидетельствует о наличии и других форм вовлекающего воздействия, помимо непосредственно склонения или вербовки. К числу таких форм, в частности, могут быть отнесены идеологическая обработка [11, с. 82, 83], воспитание молодого поколения с развитием у него навыков, ориентирующих на содействие террористической деятельности, формирование модели подражания взрослым террористам, взятие с них примера, воздействие в виде «обработки» ближайшего окружения (родственников, членов семьи) с аналогичными целями и т.п. [8]

Кроме того, думается, что к формам вовлечения можно отнести организацию участия, демонстрацию образа жизни, предоставление условий для противоправной деятельности. Например, взрослое лицо регулярно берет несовершеннолетнего с собой на кражу, не уговаривая его, а просто предоставляя возможность и нормализуя такое поведение. Исходя из этого примера, можно сделать вывод, что вовлечение может быть непосредственным или опосредованным, тогда как склонение – это всегда прямое побуждение к действию.

Вместе с тем, как и склонение, вовлечение находит свое выражение в способах, его объективирующих. Таковые, к примеру, перечисляются в ч. 1 ст. 150 УК РФ, устанавливающей ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, – путем обещаний, обмана, угроз или иным способом. Как можно увидеть, в данном случае законодатель регламентирует открытый перечень способов вовлечения за счет использования словесного оборота «или иным способом». Иные способы могут быть самыми разными.

Так, в п. 42 постановления от 01 февраля 2011 г. № 1, раскрывая понятие вовлечения несовершеннолетнего применительно к ст. 150 и 151 УК РФ как действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить соответствующие поступки, Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что подобное воздействие может выражаться в форме: 1) обещаний; 2) обмана; 3) угроз; 4) предложения совершить преступление или антиобщественные действия; 5) разжигания чувства зависти, мести; 6) иных действий.

В ППВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 отмечается, что склонение к потреблению наркотиков может выражаться посредством:

- уговоров, предложений, дачи советов и т.п.;
- обмана, насилия (психического или физического), ограничения свободы и других действий (п. 27).

В ППВС РФ от 09 февраля 2012 г. № 1 (п. 14) и от 28 июня 2011 г. № 11 (п. 15.1) рекомендовано при рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 205¹ и ч. 1¹ ст. 282¹ либо ч. 1¹ ст. 282² УК РФ – соответственно, под склонением, вербовкой или иным вовлечением понимать действия умышленного характера, которые направлены на вовлечение определенного лица (или группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ преступлений (для ст. 205¹ УК РФ), деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации (для ч. 1¹ ст. 282¹ либо ч. 1¹ ст. 282² УК РФ), к примеру, посредством уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенных посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные

сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ преступлений (для ст. 205¹ УК РФ), деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации (для ч. 1¹ ст. 282¹ либо ч. 1¹ ст. 282² УК РФ).

Таким образом, способы вовлечения представляют собой разнородные формы поведенческого воздействия, охватывающие широкий спектр внешних проявлений. Многообразие и потенциальная неограниченность таких способов подтверждается открытым характером их перечней, содержащихся в законе, практике и доктрине.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1) «Вовлечение» как уголовно-правовая категория занимает конститутивное место в системе уголовно-правовой охраны нормального физического, психического и нравственного развития несовершеннолетних, особенно в контексте их вовлечения взрослыми лицами в совершение преступлений, иных противоправных или антиобщественных действий. На сегодняшний день его единообразное понимание как в уголовном законе и судебной практике, так и науке уголовного права отсутствует. Несмотря на то, что термин «вовлечение» встречается в УК РФ 19 раз, его нормативного (легального) определения законодатель не раскрывает. При этом искомое понятие используется в тексте закона в трех различных вариантах формулировок: 1) самостоятельное понятие; 2) составная конструкция наряду с термином «склонение» («склонение или иное вовлечение»); 3) составная конструкция наряду с терминами «склонение» и «вербовка» («склонение, вербовка или иное вовлечение»).

В науке уголовного права отсутствует единая концептуальная позиция по данному вопросу, и сформулированные теории находятся в состоянии конкуренции. Высказываются различные точки зрения – от отождествления вовлечения с подстрекательством до признания его самостоятельной либо обобщающей (родовой) уголовно-правовой категорией. Судебная практика, в свою очередь, демонстрирует неоднородность, в частности, при определении момента окончания вовлечения (склонения).

2) К основным признакам вовлечения следует относить следующие: а.) всегда умышленное действие; б.) осуществляется в отношении совершения вовлекаемым преступления, иных противоправных или антиобщественных действий; в.) направлено на возбуждение у другого лица внутренней решимости совершить определенное деяние; г.) реализуется как непосредственно, так и опосредованно через объективирующие формы (например, склонение, вербовка и т.п.); д.) выражается в виде использования любых способов (например, уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений и т.п.).

3) Вовлечением несовершеннолетних в совершение преступления, иных противоправных или антиобщественных действий необходимо признавать умышленные действия совершеннолетнего лица, направленные на формирование у несовершеннолетнего лица (группы лиц) решимости совершить преступление, иные противоправные или антиобщественные действия, осуществляемые как непосредственно, так и опосредованно через объективируемые формы посредством любых способов.

Литература

1. Бугера Н.Н. Соотношение понятий «Вовлечение» и «Склонение» в уголовном праве России / Н.Н. Бугера // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2014. - № 3 (29). - С. 35–40.
2. Горенко М.Г. Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности (теоретико-правовое и прикладное исследование): дис. канд. юрид. наук / М.Г. Горенко. - Краснодар, 2023. - 301 с.
3. Есаков Г.А. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Парог, А.И. Чучаев / отв. ред. А.И. Парог. - М., 2007. - 576 с.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2025. - № 31. - Ст. 4656.

5. Козлов А.П. Соучастие. Традиции и реальность / А.П. Козлов. - СПб., 2001. - 362 с.
6. Кокунов А.И. Соотношение понятий «склонение» и «вовлечение» в современном уголовном праве России / А.И. Кокунов // Законность и правопорядок. - 2020. - № 1 (25). - С. 34–39.
7. Кокунов А.И. Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия: дис. канд. юрид. наук / А.И. Кокунов. - Н. Новгород, 2023. - 221 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X–XII (постатейный) (том 4) / отв. ред. В.М. Лебедев. - М., 2017 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.06.2025).
9. Коровин Е.П. Вовлечение в совершение преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации: автореф. дис. канд. юрид. наук / Е.П. Коровин. - Ростов-на-Дону, 2008. - 27 с.
10. Коровин Е.П. Вовлечение в совершение преступления: уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации / Е.П. Коровин: монография. - М., 2010. - 172 с.
11. Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. канд. юрид. наук / И.С. Макеева. - Екатеринбург, 2017. - 177 с.
12. Мелюханова Е.Е. Уголовно-правовая категория «вина» / Е.Е. Мелюханова // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. - 2024. - Т. 34. - № 3. - С. 525–529.
13. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 09 фев. 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2012. - № 4; 2017. - № 1.
14. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2006. - № 8; 2017. - № 7.
15. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2011. - № 8; 2021. - № 12.
16. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 01 фев. 2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2011. - № 4; 2021. - № 12.
17. Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий: автореф. дис. канд. юрид. наук / В.В. Палий. - М., 2006. - 23 с.
18. Сперанский К.К. Понятие вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность (криминологический аспект): автореф. дис. канд. юрид. наук / К.К. Сперанский. - М., 1995. - 26 с.
19. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс] // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3447> (дата обращения: 07.06.2025).
20. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] // Академик. - URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/761046> (дата обращения: 07.06.2025).
21. Травников А.В. Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий в уголовном праве России: дис. канд. юрид. наук / А.В. Травников. - М., 2022. - 246 с.
22. Шевченко Н.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: автореф. дис. канд. юрид. наук / Н.П. Шевченко. - Ставрополь, 2003. - 24 с.